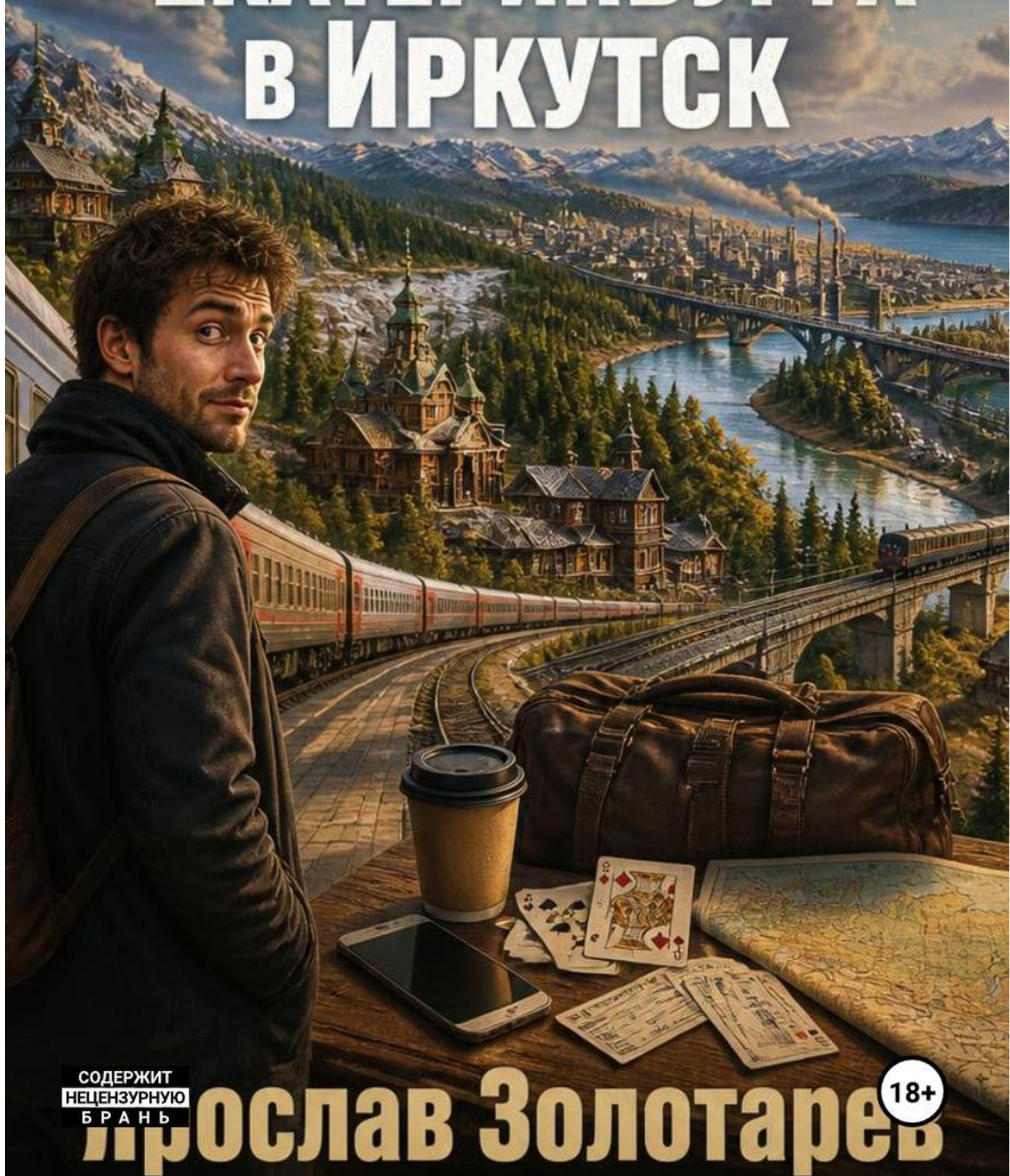

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ЕКАТЕРИНБУРГА В ИРКУТСК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Александр Золотарев

18+

Ярослав Золотарёв

**Путешествие из
Екатеринбурга в Иркутск**

«Автор»

2026

Золотарёв Я.

Путешествие из Екатеринбурга в Иркутск / Я. Золотарёв —
«Автор», 2026

Гриша хотел всего лишь уехать в отпуск. Но однажды сел на поезд в Екатеринбурге и решил проехать через всю Сибирь — до самого Иркутска. Что может пойти не так? За окном сменяются города, а вместе с ними — люди и совершенно неожиданные истории. В Камышлове — странный таксист. В Тюмени — предложение приобрести дворянское происхождение. В Тобольске — рабочий, который мечтает о свободе. В Юрге — блэкджек и девушки, оказавшиеся совсем не такими, как он ожидал. В Красноярске — разговор о собственности и равенстве. В Канске — блогер, который пытается говорить правду. А дальше дороги становятся всё длиннее, Сибирь — всё шире, а путешествие постепенно превращается в нечто гораздо большее, чем отпуск. Гриша хотел просто отдохнуть. Но, кажется, случайно отправился искать, что такое свобода — и где вообще заканчивается дорога. «Путешествие из Екатеринбурга в Иркутск с блэкджеком и шлюхами» — современная сатирическая аллюзия на Радищева: смешная, дерзкая и полная неожиданных встреч.

© Золотарёв Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Екатеринбург	5
Глава вторая. Камышлов	9
Глава третья. Тюмень	13
Глава четвёртая. Тобольск	19
Глава пятая. Ишим	25
Глава шестая. Омск	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ярослав Золотарёв

Путешествие из Екатеринбурга в Иркутск

Глава первая. Екатеринбург

Взглянул Гриша окрест себя и душа его страданиями человечества уязвлена стала. Особенно уязвило его то обстоятельство, что человечество в его собственном лице опять оставило на кухне грязную кружку и забыло вымыть.

Гриша посмотрел на кружку, потом на ноутбук, потом на телефон, в котором уже светились три непрочитанных сообщения от заказчиков, и понял, что дальше так жить нельзя.

Вообще-то с человечеством у Гриши отношения были вполне нормальные. Отдельных представителей его он даже любил. Некоторые из них были приятными людьми, другие — забавными, третьи исправно платили деньги. Но человечество в целом имело неприятную привычку постоянно чего-нибудь от него хотеть. Особенно в последнее время.

Один заказ сменял другой. Если Гриша заканчивал работу в шесть вечера, это вовсе не означало, что в шесть вечера рабочий день заканчивался. В шесть двадцать мог написать один клиент, что «буквально на пять минут» возник маленький вопрос. В семь сорок другой присылал файл с пометкой «срочно». В десять вечера третий внезапно вспоминал, что в проекте, который они считали завершённым ещё две недели назад, обнаружилась «небольшая неточность».

Небольшая неточность обычно занимала три часа.

Гриша был фрилансером и потому считал себя свободным человеком. Это было в общем-то верно. У него не было начальника. Никто не мог вызвать его к себе и спросить, почему он опоздал на работу. Никто не мог приказать ему надеть галстук. Никто не мог поставить ему в календарь обязательное совещание на девять утра, потому что сам Гриша мог поставить его себе на девять утра и потом отменить. Свобода была полной.

Кроме одного обстоятельства: заказчики тоже считали Гришу свободным. Поэтому написать ему можно было в любое время.

Гриша терпел.

Он вообще многое терпел, потому что деньги были нужны, а жизнь человека, который сам себе хозяин, имела одну неприятную особенность: если сам себе хозяин не работает, то сам себе хозяин и денег не получает.

Однако однажды утром он проснулся, посмотрел на экран компьютера и понял, что не хочет его включать. Совсем. Не потому, что работа была особенно тяжёлой. Не потому, что заказчики были особенно противными. Не потому даже, что накопилась усталость.

Ему просто стало скучно.

Одна и та же квартира. Один и тот же компьютер. Одни и те же файлы. Одни и те же сообщения:

«Гриш, привет!»

«Гриш, есть минутка?»

«Гриш, срочно!»

«Гриш, а можешь ещё вот это?»

В тридцать лет человек, конечно, ещё способен выдержать многое. Но не бесконечное количество сообщений со словами «тут еще надо немного доработать».

И тут судьба, которая до сих пор относилась к Грише преимущественно безразлично, неожиданно сделала ему подарок. У заказчиков образовалось окно. Не у Гриши — у заказчиков.

Несколько проектов одновременно закончились, новые ещё не начались, и на ближайшие три недели от него вроде бы ничего особенно не требовалось.

Гриша решил воспользоваться случаем. Он написал всем, что собирается в отпуск. Слово «отпуск» он употребил с некоторой осторожностью. Фрилансер, который говорит заказчику, что уходит в отпуск, напоминает человеку, который снимает квартиру и сообщает хозяину, что решил пожить немного в другой квартире.

Но Гриша был настойчив. Он буквально выпросил себе три недели.

— Ребята, мне действительно надо отдохнуть.

— Конечно, конечно.

— Совсем не буду работать.

— Да без проблем.

— Телефон вообще выключу.

— Ну если что, мы напишем.

Последняя фраза несколько омрачила впечатление от достигнутой свободы, но Гриша решил не придавать ей значения. Он был намерен провести три недели без работы.

Это решение казалось ему настолько смелым, что он даже некоторое время им гордился. Чтобы совсем забыть про унылую квартиру с вечно звонящими клиентами они решил просто уехать куда-нибудь. Но куда?

Можно было поехать в Сочи. Гриша посмотрел цены на билеты, посмотрел цены на гостиницы и понял, что Сочи — прекрасное место, но преимущественно для людей, у которых отпуск оплачивает кто-нибудь другой.

Европа в 2026 году как бы вообще была не вариант.

Тогда Гриша открыл карту России. Он смотрел на неё довольно долго. Ему вдруг захотелось куда-нибудь далеко. Не просто сменить район и не провести три дня в гостинице соседнего города, а действительно уехать туда, где всё вокруг будет другим.

Он повёл пальцем по карте.

Екатеринбург.

Тюмень.

Омск.

Новосибирск.

Томск.

Красноярск.

И дальше.

Очень далеко.

Иркутск.

— А почему нет?

Ответа на этот вопрос у Гриши не было.

Он никогда не был в Иркутске. Байкал видел только на фотографиях. Сибирь знал главным образом по рассказам знакомых, интернету и собственному детству, проведённому в другой части этой самой огромной страны. Кроме того, Иркутск находился достаточно далеко от Екатеринбурга, чтобы поездка считалась путешествием, но не настолько далеко, чтобы понадобилось объяснять самому себе, зачем он едет через полмира.

Гриша подумал, что три недели — это много. Можно было бы никуда не спешить. Посмотреть города. Познакомиться с людьми. Попробовать местную еду. Увидеть Байкал. Возможно, найти приключения. Возможно, найти любовь.

Но больше всего Грише хотелось другого. Ему хотелось почувствовать, что он никому ничего не должен, а просто едет от всего этого на другой конец земли, в Иркутск. И никто не имеет права спросить его, зачем.

В день отъезда он проснулся раньше будильника. Это было плохим признаком. Человек, который собирается отдыхать, должен спать до последнего.

Гриша ещё некоторое время лежал и смотрел в потолок, после чего вспомнил, что поезд отправляется вечером, а вещи до сих пор не собраны. Началась обычная борьба между человеком и его бараклом. Оказалось, что три недели свободы требуют довольно много вещей.

Одежда.

Зарядки.

Ноутбук.

Телефон.

Наушники.

Документы.

Книги.

Ещё одна книга.

Ещё одна.

В конце концов Гриша посмотрел на собранный рюкзак и понял, что путешественник, судя по всему, должен иметь либо собственный поезд, либо очень хорошую спину.

Он кое-что выложил, но потом снова положил.

Потом обнаружил, что забыл зубную щётку.

На вокзал он приехал с тем особенным чувством, которое испытывает человек, когда наконец покидает место, где ему всё надоело.

Екатеринбург остался за спиной.

Гриша сел в вагон, поставил вещи, устроился на своём месте и впервые за несколько месяцев почувствовал себя человеком, которому совершенно некуда спешить.

Он открыл ноутбук. Посмотрел на него. Закрыл. Потом достал телефон. Посмотрел на него. Убрал. Вот теперь, подумал Гриша, начинается отпуск.

За окном медленно поплыл Екатеринбург. Гриша смотрел на город и испытывал чувство, которое можно было бы назвать возвышенным, если бы он не презирал всякого рода пафос. Россия лежала перед ним огромная, неизвестная и совершенно свободная.

Он ехал на восток. Туда, где леса, реки, старые города, новые города, люди, которые ещё не успели его достать, и, возможно, приключения.

Гриша задумался. Если уж путешествовать, то по-настоящему. Если уж отдыхать, то так, чтобы потом было что вспомнить.

Если уж быть свободным человеком, то почему бы не позволить себе некоторые из тех удовольствий, которые свободный человек обычно откладывает до лучших времён?

Он представил себе казино.

Карты.

Стол.

Стопку чего-нибудь крепкого.

Блэкджек.

И красивую женщину, конечно, невероятно развратную.

Потом ещё одну. Лучше сразу трех.

Потом почему-то стало трудно держать глаза открытыми, и он заснул.

— Молодой человек.

Гриша не проснулся.

— Молодой человек!

Он открыл один глаз.

Перед ним стояла проводница.

— Мы приехали.

Гриша сел.

— Куда?

Проводница посмотрела на него.

— Камышлов.

Гриша несколько секунд молчал.

Потом посмотрел в окно.

За окном стоял совершенно незнакомый ему город. Он вспомнил, что решил ехать с остановками и смотреть места, и Камышлов – первая станция.

Посмотрел на часы. Потом снова на проводницу.

— Это уже Сибирь?

Проводница пожала плечами.

— Ну... почти.

Гриша вздохнул, взял телефон и впервые за время путешествия включил его.

На экране сразу появилось сообщение.

«Гриш, привет! Ты случайно не мог бы быстро посмотреть один момент?»

Он посмотрел на сообщение.

Потом на Камышлов.

Потом снова на сообщение.

И понял, что отпуск начался очень удачно.

Глава вторая. Камышлов

Гриша вышел из вагона и некоторое время стоял на платформе, пытаясь понять, где находится.

Он помнил Екатеринбург. Помнил поезд. Помнил, что собирался ехать в Иркутск. Помнил даже, что перед сном представлял себе блэкджек и женщин, которых в приличном обществе принято называть женщинами лёгкого поведения.

А теперь перед ним был Камышлов.

Город выглядел так, словно его кто-то специально поставил между Екатеринбургом и Тюменью, чтобы человек, едущий из одного в другой, не слишком зазнавался.

Гриша оглядел вокзал. Вокзал был старый, дореволюционный, и от этого сразу приобретал некоторую историческую значительность. Гриша даже почувствовал лёгкое уважение к железной дороге, сумевшей построить красивое здание в те времена, когда интернет ещё не существовал, но зато и проблем с международными санкциями никаких не было.

Он вышел с вокзала и пошёл в город. Камышлов оказался не таким уж плохим. То есть он не оказался прекрасным, не оказался ужасным и вообще не спешил соответствовать каким-либо ожиданиям.

На улицах стояли старые купеческие дома. Некоторые были ухожены, некоторые явно нуждались в ремонте, а некоторые, казалось, ещё не определились, к какой из этих двух категорий им принадлежать. Между ними находились магазины, аптеки, кафе, автомобили и прочие признаки XXI века.

Гриша посмотрел на всё это и подумал, что история вообще устроена странно. Когда-то здесь ездили купцы. Потом ездили ямщики. Потом построили железную дорогу. Теперь ездили поезда. А человек во всех этих случаях всё равно хотел одного и того же: добраться куда-нибудь без лишних приключений.

Только теперь для этого у него был смартфон. Гриша достал его, открыл карту и посмотрел, где находится автовокзал. Потом посмотрел расписание. Ближайшего удобного автобуса до Тюмени не было. Гриша вернулся к железнодорожному вокзалу и решил проверить поезда. На ближайший поезд билетов не оказалось. На следующий тоже. Потом оказалось, что следующий поезд есть, но ждать его придётся слишком долго.

Гриша посмотрел на часы. Потом на телефон. Потом на вокзал. Потом снова на телефон.

— Замечательно, — сказал он.

В этом слове не было ничего замечательного.

Гриша снова пошёл на автовокзал.

— До Тюмени есть?

— Нет.

— Сегодня?

— Нет.

— Завтра?

— Завтра есть.

— Мне сегодня.

Женщина за кассой посмотрела на него с тем выражением лица, которое означало: она понимает проблему, но решить ее все равно не может.

— Сегодня нет.

— А почему?

— Билетов нет.

Гриша посмотрел на кассу.

— Но автобус же есть?

— Есть.

— А билетов нет?

— Нет.

— То есть автобус поедет, а я нет?

Женщина пожала плечами. Гриша почувствовал, что начинает закипать. Он был анархистом и потому в принципе не любил, когда человеку указывают, куда ему можно ехать. Но особенно он не любил тех, которые вообще ничего ему не запрещали. Они просто говорили: **ехать можно. Но не сегодня.** Государство не препятствовало его свободе передвижения. Государство просто не имело в наличии места, на котором могла бы сидеть Гришина свободная жопа.

Он постоял некоторое время, глядя на автовокзал. Потом заметил несколько машин с водителями, которые явно занимались перевозкой пассажиров.

Это был уже знакомый Грише вид предпринимательства: если государственный транспорт не может отвезти тебя туда, куда тебе нужно, тебя отвезёт человек, который как раз стоит рядом и ждёт, когда ты поймёшь эту простую истину.

— До Тюмени сколько? — спросил Гриша у одного из водителей.

— Две пятьсот.

— Дорого.

— Езжай автобусом.

Гриша посмотрел на него.

— На автобус билетов нет.

— Вот поэтому и дорого.

Это был сильный экономический аргумент.

Гриша поторговался.

Водитель поторговался в ответ.

В конце концов Гриша понял, что перед ним человек, который торговаться любит не меньше его самого.

Наконец договорились.

Гриша сел в машину.

Он подумал, что всё-таки оказался хитрее системы. Билета нет — поедет на машине. Автобус не повёз — повезёт частник. Не получилось официально — получится неофициально. Свобода!

Гриша даже почувствовал некоторое удовлетворение.

И тут вспомнил Радищева.

Радищев тоже ехал не вполне так, как полагалось.

У него были почтовые станции, ямщики, деньги, проблемы с порядками и необходимость кое-что решать непосредственно на месте.

Гриша улыбнулся. А ведь можно и самому попробовать. Почему бы нет? Три часа до Тюмени — достаточное время для разговора. Можно узнать, как живёт простой народ. Можно поговорить о жизни, работе, родине и Сибири. Возможно, даже понять наконец, что такое русский национальный характер.

Гриша посмотрел на своего водителя. Водитель был молодым мужчиной лет тридцати пяти, с короткой бородой и спокойным лицом.

— Вы местный? — спросил Гриша.

— Да.

— Давно здесь работаете?

— Давно.

Гриша уже собирался задать следующий вопрос, но водитель включил музыку. Из динамиков раздался шансон. Гриша замер. Он был воспитан на «ДДТ», «Агате Кристи» и группе «Аукцыон». Неисправимого шансонного дебилизма он не переносил. С ужасом он заметил, что

водителю песня нравится. Более того, он начал подпевать. Голос у него оказался удивительно неприятным. Не просто плохим, а гнусавым и без малейшего слуха. Таким голосом можно было бы исполнять серенады, если бы целью серенады было заставить девушку немедленно закрыть окно и вызвать полицию.

Гриша посмотрел в окно. За окном была Сибирь. Он подумал, что вот сейчас, возможно, и начинается настоящее путешествие. Вот она - народная жизнь, народная песня. Водитель омерзительно пел. Песня рассказывала о трудной жизни, мужской дружбе, тюрьме, судьбе и тому подобном. Гриша подумал, что Радищев, услышав такую песню, наверняка стал бы размышлять о русском характере. Он попробовал. Русский характер, подумал Гриша, вероятно, отличается...

— Брат.

Гриша повернулся.

— А?

— Двести рублей добавишь?

Гриша не сразу понял вопрос.

— За что?

— Дорога.

— Мы же договорились.

— Ну бензин.

— Так мы же договорились.

Водитель пожал плечами.

— Ну тогда триста.

Гриша посмотрел на него.

— Почему триста?

— Потому что двести мало.

Водитель снова включил музыку погромче. Гриша надел наушники, чтобы не было слышно. Музыка продолжала давить на мозг. Он прибавил громкость в наушниках. Шансон стал звучать ещё громче. Гриша снял один наушник. Песня была слышна совершенно отчётливо. Он посмотрел на водителя. Водитель, не переставая следить за дорогой, подпевал припеву, добавляя фразы на узбекском языке.

А, так это еще и узбек, подумал Гриша. Родился в Средней Азии, живёт в России, возит русских пассажиров по Сибири, слушает русский шансон и торгуется с русским фрилансером из-за трёхсот рублей.

Он посмотрел на водителя.

— А вы сами давно в Сибири?

— Двадцать лет.

— А откуда приехали?

— Узбекистан.

— И нравится?

— Нормально.

— А Тюмень нравится?

— Нормально.

— А Камышлов?

— Нормально.

Гриша замолчал.

Через некоторое время водитель снова заговорил:

— Брат, а двести пятьдесят нормально?

— Что?

— Ну за дорогу.

Гриша рассмеялся.

— Ладно. Двести пятьдесят.

— Хорошо.

Водитель прибавил музыку. Гриша снова надел наушники. На этот раз он решил не сопротивляться. За окном тянулась Сибирь. Гриша смотрел на неё и думал, что путешествие начиналось совсем не так, как он рассчитывал. И это ему уже нравилось.

По крайней мере, пока не написал очередной заказчик. Телефон завибрировал. Гриша посмотрел на экран.

«Гриш, привет! Ты сейчас случайно не занят?»

Он закрыл сообщение. Через секунду пришло второе:

«Там буквально на пять минут».

Гриша посмотрел на дорогу, на водителя, на бесконечную Сибирь и на телефон.

Потом усмехнулся.

— Ну всё, — сказал он. — Началось.

Глава третья. Тюмень

До Тюмени Гриша добрался уже под вечер. Таксист высадил его где-то в центре, получил оговорённые деньги и ещё некоторое время доказывал, что бензин за последние полчаса подорожал лично из-за Гриши. Гриша доплачивать отказался. Таксист посмотрел на него с уважением.

— Ты хороший человек, — сказал он.

— Почему?

— Торговаться умеешь.

После чего уехал, оставив Гришу одного. Гриша огляделся. Тюмень ему понравилась. Не сразу и не целиком, а какими-то отдельными кусками.

Сначала он увидел современные здания, широкие улицы, дорогие машины и людей, которые шли по своим делам с таким видом, будто у каждого из них было как минимум два дела и оба срочных. Потом свернул на улицу, где сохранились старые дома, и город стал другим.

Деревянные дома стояли рядом с каменными, некоторые были украшены резными наличниками, другие выглядели так, словно ещё не решили, кончилось ли полностью прошлое столетие или оно скоро снова вернется.

Гриша остановился возле одного такого дома. Ему нравилась старая архитектура. В ней было что-то честное. Человек хотел жить богато — строил большой дом. Хотел показать, что у него есть вкус, — украшал его. Хотел, чтобы все знали, что он купец, — строил так, чтобы даже соседский кот не сомневался в его богатстве. Никаких презентаций, брендов и фотографий с подписью «успешный успех». Дом стоял и сам всё говорил.

Гриша подумал о современных богачах. Современный богатый человек тоже любит демонстрировать свой статус, но теперь ему для этого необязательно строить дом. Достаточно сделать фотографию с человеком, у которого ещё больше денег. А если хочется совсем серьёзного статуса, можно завести себе биографию. Лучше всего такую, где дедушка был купцом, прадедушка — дворянином, а прапрадедушка лично подавал руку императору. Правда, если проверить документы, иногда выясняется, что прадедушка работал бухгалтером в районном потребсоюзе. Но это уже детали.

Гриша пошёл дальше. Он не собирался заниматься историей. Он вообще ехал в Иркутск отдыхать. Но после Камышлова ему вдруг стало интересно. Тюмень была странным городом. С одной стороны, она явно была богатой. Это чувствовалось даже без нефтяных вышек. По улицам ездили хорошие машины, новые здания соседствовали со старыми, повсюду были кафе, магазины, офисы, стройки.

С другой стороны, люди вокруг были совершенно обычные. Кто-то торопился домой. Кто-то тащил пакет с продуктами. Какая-то женщина ругалась по телефону. Двое мужчин возле магазина обсуждали ремонт автомобиля. Подростки сидели на лавочке и смотрели каждый в свой телефон. Гриша подумал, что капитализм в этом отношении оказался довольно демократичной системой. Богатый человек и бедный человек теперь могли сидеть каждый в своём смартфоне. Правда, богатый сидел в смартфоне за сто тысяч, а бедный — за двадцать. Но в принципе это одно и то же. Осталось только убедить банки, что все равны, и доходы у них должны быть равнее.

Он дошёл до Туры. Набережная ему понравилась ещё больше. Она спускалась к реке несколькими уровнями, и Гриша некоторое время ходил туда-сюда, не совсем понимая, почему ему хочется всё время спускаться. Потом понял: потому что река внизу. А если сделать набережную четырёхэтажной, то можно четыре раза торжественно спуститься к воде и четыре раза почувствовать себя человеком, покоряющим природу.

Он пошёл вдоль реки. На Мосту влюблённых фотографировались. Молодая пара стояла возле ограды и смотрела друг на друга так, будто вокруг не существовало ни Тюмени, ни России, ни ипотек, ни работы. Гриша вспомнил, что тоже когда-то был молод. Впрочем, тридцать лет — это ещё не возраст, когда человек должен вспоминать молодость. Поэтому Гриша решил просто считать себя молодым.

Он посмотрел на влюблённых. Человек совершенно добровольно выбирал другого человека, с которым потом собирался проводить огромное количество времени. Причём совершенно непонятно, зачем. Работа хотя бы объяснялась деньгами. Дружба — взаимной симпатией. Даже пьянка имела понятную физиологическую основу. А любовь? Гриша подумал, что, возможно, любовь — это последний оплот анархизма. Два человека просто решили, что будут вместе. Правда, иногда через несколько месяцев один из них обнаруживал, что второй всё-таки считает себя начальником. И начиналась контрреволюция.

Потом Гриша снова свернул в город и вскоре оказался в Сквере сибирских кошек. Кошки были золотистые и неживые. Гриша остановился перед одной и некоторое время рассматривал её.

— Ну вы-то точно аристократы, — сказал он.

Кошка ничего не ответила. Гриша подошёл к другой.

— У вас родословная есть?

Кошка молчала.

— Герб?

Кошка продолжала сидеть. Гриша подумал, что перед ним, возможно, самый уверенный в себе представитель высшего общества, которого он встречал за последние годы. Ей не требовалось ничего доказывать. Она просто сидела. И уже была золотой.

К вечеру Гриша проголодался. Он зашёл в кафе и заказал еду. Пока ждал, снова открыл телефон. Новых сообщений от заказчиков не было. Гриша почувствовал лёгкое счастье. Он уже начал привыкать к мысли, что три недели действительно может прожить без работы.

Потом вспомнил, что не проверял почту всего несколько часов. Это было опасно. Фрилансер, который не проверяет почту, похож на человека, который оставил дверь квартиры открытой и решил посмотреть, что будет. Гриша убрал телефон.

Нет.

Сегодня он отдыхает.

Он приехал в Тюмень не для того, чтобы работать. Он приехал посмотреть город. Город постепенно зажигал огни. В новых кварталах горели окна, старые дома темнели среди современной застройки, по улицам ехали машины.

На одной из улиц он увидел старое здание и остановился. Тюмень всё больше напоминала ему слоёный пирог. Снизу — купеческий город. Потом советский. Сверху — современный. А между ними люди. И люди как бы принадлежали всем трем слоям и потому никакому слою, каждый был свой собственный анархист.

Он пока ещё не знал, что совсем скоро встретит человека, который придерживался по этому вопросу совершенно другого мнения. И человек этот был готов даже немного заработать на том, чтобы помочь другим людям почувствовать себя князьями.

Но пока Гриша просто шёл по вечерней Тюмени, смотрел на старые дома и думал, что город ему нравится. А потом снова достал телефон. На экране было новое сообщение.

«Гриш, привет. Не хотел тебя беспокоить, но там действительно на пять минут...»

Гриша посмотрел на него.

— Идите вы все, — сказал он телефону.

Телефон, разумеется, промолчал.

И это было единственное разумное решение, которое он принял за весь день.

И тут же натолкнулся на вывеску «Сделаем вас дворянами».

Гриша сначала решил, что это шутка. Но вывеска была настоящая.

Внутри сидел мужчина лет пятидесяти, в костюме, с аккуратной бородой и выражением лица человека, который привык иметь дело с людьми, желающими стать кем-нибудь более значительным, чем они являются.

— Вы по родословным? — спросил он.

— Пока нет.

— А по какому вопросу?

— Посмотреть пришёл.

Юрист улыбнулся.

— Конечно. Посмотреть тоже можно.

Гриша сел. На стене висели какие-то гербы. Один был похож на настоящий. Другой — на логотип банка. Третий вообще напоминал эмблему футбольного клуба.

— И что вы делаете? — спросил Гриша.

— Восстанавливаем происхождение.

— Чьё?

— Клиента.

Гриша посмотрел на него.

— Как?

— Работаем с архивами.

— А если в архивах ничего нет?

Юрист улыбнулся.

— Архивы большие.

Гриша тоже улыбнулся.

— Понятно.

Юрист понял, что клиент начинает интересоваться.

— У вас есть фамилия?

— Есть.

— Дореволюционная?

— Ну, фамилия-то точно дореволюционная.

— Ну так можно доказать, что вы дворянин.

Гриша задумался.

— А что это даёт?

Юрист слегка пожал плечами.

— Репутацию.

— Перед кем?

— Перед людьми.

— Какими?

— Ну, перед людьми, которым это важно.

Гриша посмотрел на гербы.

— А мне зачем?

— Это зависит от ваших целей.

— Но ведь сейчас это не дает никаких привилегий.

Юрист рассмеялся.

— Однако это престижно.

— То есть я могу получить справку, что мой предок был дворянином?

— Разумеется.

— А если не был?

Юрист посмотрел на него внимательно.

- Иногда можно найти боковую линию.
- Какую?
- Через женскую.
- А если и там ничего нет?
- Тогда можно исследовать более дальние ветви.

Гриша подумал.

- А совсем дальние?
- Вопрос цены.

Гриша засмеялся, а потом спросил:

- А герб можно?
- Можно.
- Настоящий?
- Разумеется.
- То есть мне его изготовят?
- Разработают на основании исторических данных.
- А если исторических данных нет?

Юрист снова улыбнулся.

- Тогда разработаем символический.

Гриша посмотрел на герб, похожий на логотип банка.

- А сколько стоит стать символическим дворянином?

Юрист назвал сумму. Гриша присвистнул.

- За эти деньги я могу три месяца не работать.

Юрист улыбнулся.

- Вы не очень серьёзно относитесь к происхождению.
- А к чему тут серьёзно относиться?
- Для многих людей это важно.

Гриша уже собирался уходить, но вдруг обратил внимание, что стол завален папками.

- А часто к вам приходят?
- Постоянно.
- И что, реально находите дворян?
- Иногда.
- А остальные?
- Тоже довольны.

Гриша посмотрел на него.

- То есть?
- Людям иногда важен не результат исследования.
- А что?
- Само ощущение.

Вот теперь Гриша понял. Он вспомнил вчерашних золотых кошек. Кошкам было ненужно ощущение. Они просто сидели. Человеку же иногда требовалось получить бумагу, герб, печать и красивую фамилию, чтобы почувствовать, что он сидит не просто так.

Гриша встал.

- Спасибо.
- Подумайте.
- Я подумаю.

Он вышел на улицу.

И тут же рассмеялся. Сто лет прошло с тех пор, как исчезли сословия. Люди давно научились жить без них. Работают, учатся, открывают бизнес, устраиваются на заводы, пишут программы, лечат людей, водят автобусы. А кому-то всё-таки захотелось снова узнать, какой у него

был титул. Не потому, что это давало какие-нибудь права, просто хотелось быть выше. Гриша подумал, что это, наверное, и есть самая странная форма ностальгии. Ностальгия по тому, чего человек никогда не видел.

До Тобольска он решил ехать электричкой. После вчерашнего такси это казалось почти революционным. Просто билет, вагон и дорога. В вагоне было людно. Гриша сел у окна. Напротив сидела женщина с хозяйственной сумкой. Рядом молодой парень в рабочей одежде спал, прислонившись к стеклу. Через проход двое мужчин обсуждали какую-то работу. Кто-то смотрел видео в телефоне. Кто-то ел. Кто-то просто смотрел в окно.

Гриша оглядел вагон. Вот он, народ. Без гербов и родословных. Никто не спрашивал, кто чей прадед. У одного руки были в мозолях. У другой — медицинская сумка. Парень в рабочей одежде, вероятно, ехал со смены. Какая-то женщина листала документы. Кто-то был беднее, кто-то богаче, с образованием и без него: все ехали в одном вагоне.

Гриша усмехнулся. И подумал, что это гораздо честнее любой родословной. Человек здесь занимал место не по тому, кем был его прапрадед, а по тому, сколько он заплатил за билет. А если заплатил одинаково — сидели рядом.

Он посмотрел на женщину с сумкой. Она поймала его взгляд.

— До Тобольска?

— Да.

— Первый раз?

— Да.

— Там кремль посмотрите.

— Обязательно.

Женщина кивнула и снова посмотрела в окно.

Гриша тоже отвернулся. Он вдруг подумал, что все эти разговоры о происхождении вообще довольно забавны. Через сто лет никто в этом вагоне не будет помнить, кто из них был дворянином. Скорее всего, никто не будет помнить даже фамилий. Зато останутся какие-нибудь дома, дороги, больницы, книги, фотографии. Может быть, кто-нибудь вспомнит человека, который хорошо работал. Или кому-нибудь помог. А может, вообще никто ничего не вспомнит. Ну и ладно. Гриша не видел в этом трагедии.

Человеку не обязательно существовать вечно, чтобы прожить нормальную жизнь. Да и дворянство, если подумать, тоже не помогло своим обладателям избежать смерти. Гриша посмотрел на спящего рабочего. Тот проснулся, потёр лицо и снова заснул. Гриша улыбнулся. Вот это был настоящий человек. Просто мужик, который устал после работы и хотел поспать до Тобольска. И Грише он нравился гораздо больше всех гербов в офисе юриста.

Электричка шла на север. За окном постепенно менялся пейзаж. Тюмень оставалась позади. Впереди был Тобольск.

Гриша посмотрел на телефон. Новых сообщений от заказчиков пока не было. Он решил, что это хороший знак. Через минуту телефон завибрировал.

«Гриш, привет! Тут буквально один маленький вопрос...»

Гриша закрыл глаза.

— Господи, — сказал он.

Женщина с сумкой посмотрела на него.

— Что?

— Ничего.

Гриша убрал телефон.

Электричка продолжала ехать.

А он решил, что ответит заказчику уже после Тобольска.

Если, конечно, заказчик к тому времени не найдёт другого фрилансера. Гриша на это надеялся. Но почти не верил.

Глава четвёртая. Тобольск

Когда электричка остановилась в Тобольске, Гриша вышел на платформу с тем особенным чувством, которое испытывает человек, впервые попавший в город, о котором он знает слишком много из книг и слишком мало из жизни.

Он знал, что Тобольск — старый город. Настолько старый, что по сравнению с ним даже Екатеринбург выглядел почти юношей, а Тюмень — человеком, который только что окончил университет и ещё не решил, чем будет заниматься.

Но одно дело знать это из Википедии и совсем другое — самому идти по городу, который существовал тогда, когда многие современные государства ещё не существовали вовсе. Гриша поправил рюкзак и отправился в сторону центра. Вскоре он увидел Тобольский кремль. Гриша поднялся наверх и оглядел город.

Когда-то отсюда управляли огромными пространствами Сибири. Сюда приезжали чиновники, купцы, военные, священники. Здесь решались вопросы, от которых зависели судьбы людей, живших за сотни и тысячи вёрст.

Гриша посмотрел вниз. Теперь там ездили автомобили. Прогресс, подумал Гриша. Правда, чиновники никуда не делись. Просто теперь у них были компьютеры.

Гриша прошёл по территории кремля. История была вокруг него в таком количестве, что он ему было неловко. Обычно человек приходит в музей, чтобы посмотреть на историю. А здесь история сама стояла вокруг и смотрела на него.

Он вспомнил предыдущий день в Тюмени. Там ему попадались купеческие дома. Здесь всё было ещё серьёзнее. Перед ним стояла уже не просто старая торговая Сибирь, а целая административная столица. Гриша посмотрел на дворец наместника.

— Вот здесь жили люди, которые управляли Сибирью, — сказал он самому себе.

Потом оглядел собственный рюкзак.

— А я управляю только своими файлами.

Причём не всегда успешно. Он улыбнулся. Разница между ними была очевидна. Наместник мог послать куда-нибудь тысячу человек. Гриша мог послать только заказчика. И то обычно не решался.

Потом Гриша пошёл вниз по Пря姆斯кому взвозу. Спуск оказался таким крутым, что через некоторое время он перестал думать об истории и начал думать исключительно о коленях. В Тобольске всё было устроено очень наглядно, в точности как в обществе. Есть верх. Есть низ. Между ними крутой спуск.

В нижнем городе всё стало гораздо прозаичнее. Машины. Магазины. Аптеки. Люди. Кто-то спешил. Две женщины разговаривали возле подъезда. Мужчина разгружал коробки. Подружки сидели на лавке и смотрели в телефоны. Гриша вдруг подумал, что именно здесь и находится настоящий город. Не в кремле, а вот здесь — среди людей, которым нужно сегодня купить продукты, заплатить за квартиру, выйти на работу и каким-то образом прожить ещё один день.

Гриша пошёл дальше и вскоре оказался возле Тобольского тюремного замка. Он остановился. Тюрьма производила впечатление даже теперь. Мрачное здание стояло среди современного города совершенно спокойно, словно никуда не торопилось. Гриша вспомнил, сколько людей прошло через это место: ссыльные, каторжане, политические и уголовные преступники. Люди, которых государство отправляло за тысячи километров от дома, в Сибирь. И среди них — Радищев. Гриша усмехнулся.

— Вот мы и встретились.

Разница, правда, была существенная. Радищев приехал в Сибирь по распоряжению императора. Гриша приехал сам. Причём ещё и заплатил за билет. Он посмотрел на тюремные стены.

— Всё-таки прогресс.

От тюрьмы Гриша пошёл дальше. Ему попался сквер декабристов. Люди, которые когда-то решили, что государство устроено неправильно, и попытались это изменить. Гриша подумал о том, что Тобольск вообще какой-то подозрительно политический город. Здесь достаточно было просто пройти по улице, чтобы встретить человека, который когда-то не согласился с властью.

Он посмотрел на памятник. Декабристы смотрели на него с каменным выражением лиц. Гриша решил, что спорить с ними не стоит.

Неподалёку он вспомнил ещё об одном знаменитом человеке, связанном с Тобольском. Менделеев. Вот ведь любопытная штука. Человек может прославиться тем, что сделал что-то действительно полезное. Не потому, что он родился в правильной семье, а потому, что после него осталось что-то сделанное им самим.

Гриша вспомнил вчерашнего специалиста по дворянским родословным. Тот предлагал людям выяснить, кем были их предки. Менделеев, насколько Гриша помнил, такого желания не испытывал. Он просто занимался своим делом. И в результате о нём помнили через сто лет.

— Вот это, пожалуй, нормальная родословная, — подумал Гриша. — Когда твой предок оставляет тебе не герб, а таблицу химических элементов.

Он пошёл дальше.

В нижнем городе Гриша познакомился с рабочим. Тот стоял возле строительного вагончика и курил, глядя куда-то на дорогу с таким выражением лица, какое бывает у человека, который уже закончил работать, но ещё не закончил рабочий день.

— Далеко до центра? — спросил Гриша.

— Минут двадцать пешком.

— Спасибо.

Гриша уже собирался идти, но почему-то задержался.

— Вы здесь работаете?

— Работаем.

— Давно?

— Полгода.

Рабочего звали Рустамом. Он был примерно ровесником Гриши, может быть, немного старше. Приехал из Узбекистана. В России работал уже несколько лет.

Гриша спросил, нравится ли ему работа. Рустам пожал плечами.

— Работа как работа.

Это был универсальный ответ человека, которому работа не нравится, но и обсуждать это особенно не хочется.

— Зарплата хоть нормальная?

— Нормальная.

— Платят вовремя?

Рустам посмотрел на него.

— Обычно.

Гриша уже хотел спросить что-нибудь ещё, но Рустам сам продолжил:

— Иногда задерживают.

— Надолго?

— Неделя. Две.

— И ничего?

— А что?

Гриша пожал плечами. Действительно: а что? Он почему-то вспомнил крестьянина Радищева. Тот тоже наверняка не начинал свой рассказ словами: «Позвольте сообщить вам о беспределе помещика». Он просто рассказывал, как живёт.

— А рабочий день у вас какой? — спросил Гриша.

— С восьми до шести.

— Каждый день?

— Да.

— А суббота?

— Работаем.

— Воскресенье?

Рустам затушил сигарету.

— Тоже иногда.

Гриша посмотрел на него.

— А выходной когда?

— Когда работы нет.

Гриша почувствовал, что этот разговор становится слишком знакомым. Очень давно он уже читал похожие слова. Только тогда речь шла о барщине.

— А за воскресенье платят?

— Нет.

— Почему?

— Зарплата же есть.

— Но это дополнительный день.

— Начальник говорит, надо закончить работу все равно. А то уволит.

Гриша подумал, что рабство отменили, но воспользоваться свободой хотя бы в воскресенье Рустаму нельзя.

— А сверхурочные?

— Какие сверхурочные?

— Ну, если после шести работаете.

— Иногда остаёмся.

— Платят?

— Нет.

— А почему?

Рустам пожал плечами.

— Начальник говорит, что надо помочь.

Гриша кивнул.

Потом разговор зашёл о штрафах. Гриша спросил, можно ли у них опоздать.

— Можно.

— И что будет?

— Штраф.

— За сколько?

— За опоздание.

— А если на пять минут?

— Всё равно.

— А если автобус задержался?

— Автобус никого не интересуется.

— А если заболел?

— Если справка есть — нормально.

— А если нет?

Рустам усмехнулся.

— Тогда тоже штраф.

Гриша подумал, что ведь это ужасно, когда начальник всегда прав. Если рабочий опоздал — виноват рабочий. Если автобус опоздал — тоже виноват рабочий. Если заболел без справки — значит, недостаточно убедительно заболел.

Гриша спросил:

— А ещё за что штрафуют?

Рустам начал загибать пальцы.

— Опоздание. Потерял инструмент. Если что-то сломал. Если спецовка испорчена.

— А если дождь?

— Что дождь?

— Ну, спецовка испортилась от дождя.

— Тогда сушить надо.

Потом Гриша спросил, где Рустам живёт.

— Здесь.

— В вагончике?

— Нет. В квартире.

— Сам снимаешь?

Рустам помолчал.

— От работы.

— В смысле?

— Начальник снимает квартиру. Мы там живём.

— А если уволишься?

— Тогда надо съезжать.

— Сразу?

— Ну, когда зарплату получу.

Гриша замолчал. Теперь всё стало понятно. Формально Рустам мог уволиться в любой момент. Никто не держал его за руки, не называл крепостным или рабом. Он мог сказать начальнику: «Я ухожу». Только после этого ему пришлось бы одновременно искать новую работу и новое жильё. А если зарплату задержали, то ещё и деньги.

Гриша посмотрел на строительный вагончик. Там не было цепей, кандалов и надсмотрщика с бичом. Только зарплата, от которой зависела квартира. И квартира, которая зависела от работы. И работа, от которой зависело всё остальное.

— А начальник сам здесь бывает? — спросил Гриша.

— Конечно.

— Нормальный?

Рустам подумал.

— Иногда.

— А когда ненормальный?

— Когда злой.

— А что делает?

— Кричит.

— На вас?

— На всех.

— Матом?

— Конечно.

— А вы что?

— Ничего.

— Почему?

Рустам посмотрел на Гришу так, словно вопрос был совершенно непонятным.

— Он начальник.

Больше объяснять было нечего. Гриша понял, что в этом вся суть. Он начальник. Не помещик. Не дворянин. Не рабовладелец. Не князь. А просто начальник. И этого уже достаточно.

Гриша посмотрел на Рустама и вдруг вспомнил фразу Радищева.

Он произнёс её почти шёпотом:

— «Страшись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твоё осуждение».

Рустам ничего не сказал. Он, скорее всего, вообще не знал, кто такой Радищев.

Гриша тоже некоторое время молчал. Потом подумал, что Радищев ошибся. Не в главном. Помещик действительно исчез. Но человек, который распоряжается чужим временем, деньгами и возможностью иметь крышу над головой, никуда не исчез. Просто теперь он по-другому называется.

Гриша попрощался с Рустамом и пошёл к станции.

По дороге ему позвонил заказчик.

— Гриш, привет.

— Привет.

— Тут небольшая проблема.

— Какая?

— Надо сегодня поправить.

Гриша остановился.

— Я в Тобольске.

— Ну и что?

— Я отдыхаю.

— Ты же фрилансер.

Гриша посмотрел на телефон.

Вот оно.

Он ведь действительно свободен. Никто не может заставить его работать. Он сам себе хозяин. Он может сказать «нет».

И всё-таки он прекрасно понимал, что если будет говорить «нет» слишком часто, то однажды обнаружит, что денег у него стало заметно меньше.

Разница между ним и Рустамом была огромная. Гриша мог позволить себе отказаться. Рустам — практически не мог. Но ситуация была примерно та же.

Гриша вздохнул.

— Ладно. Скидывай.

— Отлично!

Звонок закончился.

Гриша посмотрел на телефон.

— Вот и приехал отдыхать.

До Ишима он ехал уже в вагоне поезда. За окном медленно темнела сибирская равнина. Гриша смотрел в окно и думал о том, что за двести с лишним лет человечество всё-таки чему-то научилось. Крепостное право отменили. Сословия отменили. Закон объявил людей свободными и равными. Теперь человек мог выбирать профессию, место жительства и работодателя.

Но почему-то свобода одного человека всё равно часто зависела от того, сколько денег у другого. Раньше крестьянин говорил:

«Он помещик».

Теперь рабочий говорил:

«Он начальник».

Поезд шёл на восток.

Гриша подумал, что, возможно, настоящая свобода начинается не с того момента, когда тебе разрешили сказать «нет». А с того момента, когда после этого «нет» тебе есть куда идти.

Он посмотрел на темнеющее окно. Потом достал телефон. Сообщение от заказчика уже пришло.

«Там ещё одна маленькая правка».

Гриша закрыл глаза.

— Страхись, помещик, — пробормотал он. — Я сейчас как начну править...

И засмеялся.

Поезд продолжал идти на Ишим.

Глава пятая. Ишим

В Ишим Гриша приехал ближе к полудню.

Город встретил его без особого желания производить впечатление. Никаких гор, никаких кремлей, никаких величественных рек с набережными, на которых человек должен был немедленно почувствовать себя ничтожной песчинкой перед лицом истории. Просто город. Улица, дома, машины, магазины, люди, которые куда-то шли по своим делам и совершенно не интересовались тем, что по ней идет Гриша.

Грише это понравилось.

После Тобольска, где сама земля как будто требовала от приезжего уважительно снять шапку перед каждым кирпичом, здесь можно было наконец спокойно идти по улице и не чувствовать себя экскурсантом в музее.

Хотя история, как выяснилось, никуда не делась.

Ишим когда-то вырос на торговле. Здесь проходили ярмарки, сюда приезжали купцы, отсюда товары расходились по всей Сибири. Теперь вместо обозов по улицам ходили автомобили, вместо контор с приказчиками стояли банки и торговые центры, а вместо купца с кошельком в руке какой-нибудь молодой человек в спортивных штанах расплачивался телефоном.

Гриша подумал, что прогресс в торговле за последние двести лет оказался довольно странным. Раньше купцу требовались лошадь, телега, товар, деньги и несколько недель дороги. Теперь требовался телефон. И пароль от банка. И чтобы приложение не решило, что вы подозрительный человек. И чтобы интернет не решил, что вы подозрительный человек. И чтобы государство не решило, что ваш покупатель подозрительный человек. А в остальном торговля стала проще.

Гриша остановился возле старого здания и посмотрел на него.

Старые купцы, подумал он, были людьми удивительно практичными. Им было совершенно все равно, считался ли их бизнес исторически правильным. Они просто хотели заработать денег, купить еще товара, построить еще один дом и, если дело пойдет совсем хорошо, поставить на нем каменный фасад, чтобы потомки знали: здесь когда-то жил человек, который не зря торговал.

Современному предпринимателю для этого полагалось сначала придумать личный бренд, потом заказать логотип, потом открыть телеграм-канал, потом рассказать всем о своей миссии, а потом разбираться с налоговой и недовольными его миссией блогерами.

Гриша пошел дальше.

В Ишиме ему то и дело попадались напоминания о Петре Ершове. Гриша остановился возле статуи Конька-Горбунка и некоторое время его рассматривал. Конёк был маленький, горбатый и совершенно не соответствовал никаким современным представлениям об успешном руководителе. Но зато работал. Причем, судя по сказке, работал очень эффективно, хотя не писал об этом никаких отчетов. Гриша даже подумал, что Конёк-Горбунок был, вероятно, самым эффективным предпринимателем русской литературы.

Правда, у него было одно существенное преимущество перед современными организациями. Он точно знал, куда лететь. Гриша пошел дальше и вдруг вспомнил, что в этой сказке Иван вообще-то выполнял царские поручения. То есть даже в сказочном государстве существовала проблема начальства. Просто тогда начальник ездил на коне, а теперь сидел в кабинете. И если Ивану требовалось что-нибудь сделать, он хотя бы мог прямо спросить:

— А что делать?

Теперь же ему, скорее всего, сначала выдали бы должностную инструкцию. А потом еще одну — на случай, если первая окажется недостаточно подробной.

До здания бывшей городской управы Гриша дошел уже после обеда. Он остановился перед старым домом и прочитал, что когда-то здесь размещались городская управа и дума, общественный банк, библиотека, разные городские учреждения, а также пожарная команда.

Гриша перечитал еще раз.

— Вот это удобно, — сказал он вслух.

Когда-то в одном месте находились люди, которые управляли городом, занимались его хозяйством, распоряжались деньгами, решали разные общественные вопросы. И где-то здесь же находились люди, которые могли приехать, если загорится дом.

Конечно, система была далека от идеала. В ней были начальники, подчиненные, сословия, приказчики и прочая человеческая радость. Но при всей своей древности она обладала одним достоинством: было хотя бы понятно, где искать того, кто должен что-нибудь сделать.

Гриша подумал, что современная цивилизация пошла гораздо дальше. Теперь власть стала настолько сложной, что для решения простого вопроса иногда сначала требовалось определить, какой именно орган власти имеет право его решать. И только после этого начиналось решение. Если, конечно, выяснение полномочий не занимало все доступное время.

Гриша представил себе древнего пожарного.

— Горит!

— Где?

— Вон там!

— Понял.

И представил современного:

— Горит!

— А объект чей?

Пауза.

— Дом.

— Я понимаю, что дом. Я спрашиваю, кто балансодержатель.

Гриша усмехнулся.

Смешно было ровно до тех пор, пока ты сам не оказывался внутри такой системы.

Он зашел пообедать в небольшую столовую. За соседним столом двое мужчин спорили о какой-то яме на дороге. Гриша сначала не обращал внимания, но потом понял, что спор идет уже минут десять.

— Я тебе говорю, это город должен делать.

— Какой город? Это возле дома.

— А дом тут причем?

— А кто должен за территорию отвечать?

— Управляющая.

— Да при чем тут управляющая? Дорога городская.

Наконец один из мужчин махнул рукой:

— Да хрен с ней. Сам засыплю.

— Сам?

— А что делать?

— А если потом скажут, что нельзя?

— Так пусть сначала придут и сделают.

Гриша поднял глаза. Вот это ему понравилось. В человеке, который собирался самостоятельно засыпать яму, было что-то очень старомодное. Не в смысле одежды или убеждений. Просто человек видел проблему и собирался ее решить без совещаний и комиссий.

Гриша подумал, что, может быть, именно на этом и держится настоящий порядок, мать которого - самоуправление. Не на тех, кто составляет инструкции. А на тех, кто, увидев сломанное, говорит:

— Ладно, сейчас починим.

Он допил чай, расплатился и вышел на улицу.

До вечера было еще далеко. Гриша решил немного погулять.

Он еще не знал, что сегодня ему предстоит увидеть человека, который эту простую мысль — «если что-то нужно сделать, надо делать» — проверит на практике.

Гриша свернул с центральной улицы и пошел куда глаза глядят.

Город постепенно становился тише. Туристы, если они вообще сюда добирались, оставались где-то в районе достопримечательностей, а местные занимались своими делами. Кто-то тащил из магазина пакет, кто-то сидел в машине, кто-то курил возле подъезда и смотрел на происходящее с тем выражением лица, которое бывает у человека, давно понявшего, что ничего хорошего от происходящего ждать не следует.

На одной из улиц шли какие-то ремонтные работы.

У тротуара стоял трактор, рядом лежали трубы, доски и мотки кабеля. Участок был огорожен, но ограждение выглядело так, словно его поставили не столько для безопасности, сколько для того, чтобы в случае чего можно было сказать: «Мы же огородили».

Гриша остановился. Из траншеи торчали трубы. Рядом рабочие что-то делали, разговаривали и время от времени ругались.

Гриша пошел дальше. И тут услышал крик.

— Помогите!

Он обернулся. У ограды стоял мужчина, а внизу, в самой траншее, лежал другой. Видимо, кусок забора упал, и человек, не заметив края, провалился вниз.

— Черт!

Гриша подбежал. Мужчина внизу был жив. Он стонал и пытался подняться, но лежал неудобно.

— Не двигайся! — крикнул кто-то.

Гриша достал телефон и набрал МЧС. Диспетчер спокойно спросил, что произошло. Через несколько минут приехали спасатели. Гриша даже немного успокоился.

Ну вот, современная цивилизация, не XVIII век, не Павел из Радищева с двумя лодками. Есть специальные люди, специальные машины, связь, телефоны, форма, оборудование. Человек упал в яму — приехали люди, которые умеют оттуда вытаскивать.

Все было прекрасно. До тех пор, пока один из спасателей не заглянул вниз.

— Тут кабель.

— И что? — спросил Гриша.

— Электричество.

— Ну отключите.

Спасатель посмотрел на рабочего.

— Чей кабель?

Рабочий пожал плечами.

— Не знаю.

— Кто здесь работает?

— Мы.

— А кабель чей?

— Не наш.

Начался телефонный разговор. Через минуту выяснилось, что кабель действительно не принадлежит организации, которая проводила работы.

— А чей?

— Сейчас выясним.

Гриша посмотрел в яму. Мужчина там снова застонал.

— Может, сначала вытащим, а потом выясним?

Спасатель покачал головой.

— Если кабель под напряжением, туда лезть нельзя.

— Так отключите электричество.

— Нужно, чтобы отключил владелец сети.

— А кто это?

Спасатель вздохнул.

— Сейчас узнаем.

Прошло несколько минут. Приехала еще машина. Люди поговорили между собой.

— Это не наша линия.

— По схеме ваша.

— По нашей схеме здесь вообще другой кабель.

— А этот?

— Не знаем.

Гриша посмотрел на яму. Потом на людей. Потом снова на яму.

— Ребята, — сказал он, — я, конечно, не специалист. Но если мы будем так долго выяснять, кому принадлежит кабель, а потом вытаскивать парня, то вытаскивать мы будем труп.

Никто не засмеялся. Гриша понял, что шутка не удалась. Из толпы вышел пожилой электрик. Он до этого стоял в стороне и молча слушал.

— Я знаю, где рубильник.

Все повернулись к нему.

— Где?

— Вон там.

Он показал рукой на небольшой металлический шкаф.

— А отключить можешь?

— Могу.

Один из спасателей сразу сказал:

— Подожди.

Электрик остановился.

— Почему?

— А ты имеешь право?

Электрик посмотрел на него.

— Право?

— Да.

— Там человек умирает.

— Это понятно.

— И что вам еще надо?

— Ты не можешь самовольно отключать чужую линию.

Электрик некоторое время молчал. Потом сказал:

— Да ну вас нахер.

И пошел к шкафу.

— Стой!

Он не остановился.

Открыл шкаф.

Щелкнул рубильником.

Все стихло.

— Напряжения нет, — сказал он.

Спасатели спустились в траншею. Через несколько минут мужчину вытащили наверх. Он был жив. Скорая приехала почти сразу. Гриша смотрел, как медики укладывают пострадавшего на носилки, и чувствовал странное облегчение.

А потом увидел, что электрик никуда не ушел. К нему уже подошел другой мужчина.

— Вы отключили линию?

— Да.

— Без согласования?

— Да.

— Вы понимаете, что это нарушение?

Электрик посмотрел на него.

— Понимаю.

— Почему тогда сделали?

Электрик пожал плечами.

— Там человек был.

Он достал сигарету.

Закурил.

Гриша вдруг подумал, что за последние двести лет в России изменилось очень многое. Появились электричество, автомобили, телефоны, интернет, МЧС. Исчезли крепостные. Появились трудовые договоры. Появились инструкции. Очень много инструкций. Но человек все еще может оказаться в яме. И тогда возникает странный вопрос: что важнее — инструкция или человек?

Гриша посмотрел на электрика. Тот стоял и курил, явно ожидая дальнейших неприятностей. Он не был героем. Не произносил речей. Не требовал награды. Он просто увидел человека в опасности и сделал то, что считал необходимым.

И Гриша вспомнил слова рабочего из Тобольска. Тот тоже был свободным человеком. Формально. Мог уволиться, мог отказаться делать сверхурочную работу без оплаты. Только вот если его уволят, ему было некуда идти. А этот электрик был свободен в другом смысле. Он мог нарушить инструкцию. И, что самое интересное, именно поэтому и поступил правильно.

К вечеру Гриша вернулся на вокзал. Поезд на Омск уже стоял на пути. Он поднялся в вагон, поставил рюкзак и сел у окна. Ишим медленно поплыл назад. Гриша смотрел на дома, дороги, столбы и редкие огни. Он думал о том, что Радищев, пожалуй, слишком рано родился.

В его время начальник мог сказать:

— Это не моя должность.

И на этом разговор заканчивался.

Теперь так сказать уже нельзя.

Теперь существует закон, должностная инструкция, регламент, аварийная служба, диспетчер, телефон 112 и еще множество людей, специально назначенных для того, чтобы никто не мог сказать, будто спасение людей не входит ни в чьи обязанности.

Но появилась другая фраза, не менее удобная.

— Это не наша зона ответственности.

И формально она звучит даже убедительнее. Потому что должность у человека есть, ответственность у него тоже есть. Просто она начинается на два метра левее и заканчивается на три метра правее. А человек лежит как раз между ними.

Можно написать столько инструкций, что на каждый случай жизни будет отдельная инструкция. Но ведь всегда останется что-нибудь, чего в инструкции не предусмотрели.

И тогда остается только сам человек. Тот, кто должен решить, что делать. Не потому, что ему положено. Не потому, что в пункте 4.17 должностной инструкции сказано спасать людей при наличии соответствующего основания. А просто потому, что перед ним лежит человек.

Гриша подумал, что, возможно, в этом и состоит самая простая форма свободы, - в том, чтобы, независимо от правил, поступать по совести. А уже потом разбираться, кому принадлежала яма, кабель и кто должен был первым позвонить начальнику.

Поезд дернулся и медленно пошел. Гриша посмотрел на удаляющийся Ишим. Впереди был Омск.

Глава шестая. Омск

В Омск Гриша приехал утром.

Город встретил его без особой радости. Небо было серое, воздух прохладный, а вокруг вокзала уже сновали люди, которые, в отличие от Гриши, все куда-то опаздывали. Он вышел на улицу, закинул рюкзак на плечо и некоторое время стоял, разглядывая город.

Омск был городом большим. Это Грише сразу понравилось. В маленьких городах человек быстро начинает замечать, что все дороги ведут примерно к одному магазину, а все новости — к одному человеку. В большом городе можно несколько часов идти куда-нибудь, никого не зная и чувствовать себя совершенно свободным.

Хотя, подумал Гриша, в Омске это ощущение свободы, вероятно, возникло не сразу.

Город начинался с крепости. Когда-то сюда пришли люди с пушками, поставили укрепления у Оми и стали решать, кому что здесь положено. Потом крепость расширили, построили казармы, гауптвахту, склады, казну, таможню, арсенал и острог. Получилось маленькое государство: одни командуют, другие исполняют, третьи сидят.

Гриша прошел по территории Омской крепости и посмотрел на старые стены.

— Ничего себе, — сказал он. — Тут уже тогда всё было предусмотрено.

Правда, чем больше он смотрел на старые здания, тем сильнее ему казалось, что предусмотрено было в основном одно: чтобы человек знал своё место. Омская крепость стояла у Оми, рядом с Иртышем. Реки текли себе спокойно, и Гриша невольно позавидовал их административной независимости. Ни Омь, ни Иртыш не имели начальника, не писали отчётов, не согласовывали русло с руководством и не получали предписаний о необходимости оптимизировать водосток.

И ничего. Как-то справлялись.

Омь вообще была тихой рекой. Даже название её, если верить краеоведам, связывали со значением «тихая».

Гриша посмотрел на воду.

— Тихая, говоришь? Повезло тебе.

Потом он пошел дальше. Омск успел побывать городом военным, административным, купеческим, каторжным, революционным, белым, красным, советским и промышленным. Здесь находился острог, в котором сидел Достоевский. Здесь в годы Гражданской войны располагалось правительство Колчака. А теперь здесь были автобусы, торговые центры, кофейни, офисы, жилые дома и люди с телефонами.

Гриша заглянул в кафе, потом вышел и пошел к центру.

Ему нравился Омск. В нем было что-то от старого сибирского города, который слишком долго был начальственным, чтобы совсем забыть эту привычку.

Даже архитектура иногда как будто говорила: «Здесь когда-то сидело начальство».

А современный город отвечал: «Да и сейчас сидит».

Гриша усмехнулся. Он уже понял, что Омск ему, скорее всего, понравится.

Главное было теперь выяснить, чем именно здесь занимается начальство.

Ответ он получил вечером.

В небольшом кафе Гриша разговорился с адвокатом. Тот сначала держался строго и профессионально: коротко отвечал на вопросы, говорил о работе, судебных заседаниях, клиентах. Но потом выпил кофе, расслабился и вдруг начал рассказывать истории.

Оказалось, что адвокаты вообще странный народ. Пока им платят за работу, они совершенно спокойно объясняют человеку, почему он должен соблюдать закон. Но стоит адвокату расслабиться, как он начинает рассказывать, почему закон иногда устроен так, что лучше бы его вообще не было.

— Вот ты думаешь, — сказал адвокат, — у нас всё по закону?

— Ну, я надеюсь.

— Я тоже надеюсь. Но я каждый день этим занимаюсь. Поэтому надежда у меня всё слабее.

Гриша засмеялся.

— А вы сами-то как к этому относитесь?

— Я? Да нормально отношусь. Закон есть закон.

Он помолчал.

— Но вообще, конечно, дурдом.

Они выпили кофе.

И тогда адвокат рассказал Грише историю.

— Был у нас один начальник, — сказал он. — Не самый главный на свете, конечно. Но должность хорошая. Очень хорошая. Такая, что вокруг него люди начинали говорить тише.

— Боятся?

— Не совсем. Скорее, понимают перспективы.

— А что он делал?

Адвокат усмехнулся.

— Любил хорошо питаться.

— Ну и что?

— Ничего. Я тоже люблю. Только мы с тобой, Гриш, если захотим устриц, идём и покупаем устриц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.